

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

СЧАСТЛИВЫЙ СКАЗОЧНИК*Фрагменты из книги о Юрии Магалифе¹*

Я половину хлеба съел,
и стал я тем, чем стать успел,
и над моею головой
не веет грозный рок.
Но об одном печаль моя:
из дел земного бытия
лишь половину сделал я
того, что сделать мог.

Антал Гидаш²**Концепция выживания****1.**

Юрий Михайлович Магалиф — актер-чтец (член Союза театральных деятелей), прозаик, поэт, драматург (член Союза писателей СССР), лауреат литературной премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского, называл себя сибиряком, хотя родился в Петрограде — 16 июля 1918 года.

«Родился, как уверяла моя мама, в тот самый день и час, когда (в далеком Екатеринбурге) убивали семью Николая Романова. Отец мой занимался фармакологией, работал провизором в аптеке. Мама никакого специального образования не имела, но, как и подобало дворянке, она была прекрасно воспитана — знала несколько языков, неплохо играла на рояле. В моей крови слились четыре ручья — русский, еврейский, цыганский и польский. Мой отец наполовину еврей. Магалиф — это еврейская фамилия. А мама была незаконной дочерью цыганской певицы и польского графа»³.

Софья, мать писателя Юрия Магалифа, была дочерью польского графа Александра Миткевича, учившегося в Петербургском университете, и цыганской певицы Федосьи Дудецкой. Это ей («бесподобный

¹ Публикуется в авторской редакции. — *Примеч. ред.*

² Перевод Д. Самойлова.

³ Полозова Влада. «Я счастлив, что стал сибиряком». Интервью к 80-летию писателя / В. Полозова // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. — 1998. — № 28 (17 июля). — С. 12.

Феничкин носик») посвящали стихи известные русские поэты Алексей Плещеев и Алексей Апухтин.

В десять лет Софью из Петрограда увезли к бабушке в Варшаву. Там, у бабушки, она и воспитывалась.

Только в 1927 году, узнав о бедственной жизни матери, оставшейся в Петрограде, Софья вернулась — уже не в Петроград, а в Ленинград, получивший свое новое имя в суровом январе 1924 года после смерти Владимира Ильича Ленина.

Специальности у Софьи не было. Зато знала языки. Устроилась переводчицей. Сначала в банк. Затем в страховое общество «Саламандра». Затем в какую-то фармацевтическую службу, где (судьба) познакомилась с фармакологом Михаилом Яковлевичем Магалифом. Жили они в «гражданском» браке. Жили весело, дом всегда был открыт для друзей.

Совсем не обязательно верить всем и всяческим слухам об известных людях — в конечном счете, все эти слухи чаще всего произрастают из чистых выдумок, но Юрий Михайлович от слухов, даже самых невероятных, никогда не отрецивался, такой характер. Да и зачем? Юмор помогает жить.

Софья Александровна была хозяйка приветливая, разговорчивая, так же, как и ее муж, ничуть не чуравшийся юмора; в этом их сын Юра пошел в родителей.

Впоследствии даже из времени, когда Софья Александровна работала уже в Смольном (переводчицей и секретаршей), Юрий Михайлович извлек множество веселых историй о своей якобы дружбе с партийным вождем Ленинграда Сергеем Мироновичем Кировым. К примеру, он и охотничьих собак вождя выгуливал по Невскому, и всякие интересные разговоры вел с партийным вождем города о модной тогда евгенике. В конце концов, почему бы и не поговорить им о создании совершенно Нового человека — советского! никем никогда прежде не виданного!

Широкая гладь Невы. Летом синяя, зимой — белая.

Фонари на разводных мостах — газовые, керосиновые. Кое-где, правда, уже подрагивали огоньки фонарей электрических.

Впрочем, по известному выражению писателя Виктора Шкловского, электричество того времени было еще «молодо и ходило на четвереньках».

Зато люди вставали на ноги.

Все в стране перевернулось с ног на голову.

«В моей детской комнате, — через много лет вспоминал Юрий Михайлович Магалиф в разговоре с журналисткой Владой Полозовой, — мама оборудовала “красный уголок” с портретами Ленина, Троцкого, Дзержинского и еще какого-то Зильбертага. Кроме того, там висели плакаты и стяги. Это было своего рода наглядное пособие по новой жизни, которой она восхищалась».

К сожалению, жизнь никогда не течет так, как нам хочется.

«Когда мне было семь лет, родители разошлись, начались материальные трудности, — рассказывал Юрий Михайлович. — Друг отца Самуил Яковлевич Маршак посоветовал маме отдать меня в цирк. Я очень рано стал профессиональным артистом». Первая запись в его трудовой

книжке, утверждал Юрий Михайлович, это «приказ от 20 октября 1929 г.: принять на работу в Ленинградский государственный цирк артистом разговорного жанра (клоуном)».

Вот и выступал — сперва как клоун. Потом стал чтецом. Как оказалось, на всю жизнь.

«Мне необыкновенно повезло. Я совершенно случайно познакомился с племянницей писателя Гарина-Михайловского — Марией Николаевной Слободзинской, — рассказывал Юрий Михайлович. — Только и слышал от нее: эти вот книги — дяди Ники, эта чернильница — дяди Ники, а в этом кресле любил сидеть дядя Ника. Все самое ценное в моем воспитании и образовании дала мне Мария Николаевна. Это была красивая, необыкновенно приятная женщина, педагог по профессии. Я называл ее второй матерью. Именно Мария Николаевна приучила меня к симфонической музыке, чтению русской и древнерусской литературы. Она первая привела меня в Эрмитаж и в Русский музей».

Короче, жизнь начала налаживаться.

Но так только казалось.

2.

В декабре 1934 года в Смольном был убит Сергей Миронович Киров.

Буквально через несколько часов было официально объявлено, что партийный вождь города пал жертвой заговорщиков. В тот же день Президиум ЦИК СССР принял постановление о внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы всех союзных республик. Главное в этом постановлении было определено просто: «Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком». Соответственно, судебным органам — следовало исполнение приговоров не задерживать.

Потянулся из Ленинграда «кировский поток». Несколько тысяч ленинградцев были высланы из города. Осуждена была и Софья Александровна — как «бывшая». Пять лет лагерей. На сборы — сорок восемь часов. Сына разрешили взять с собой. Путь предстоял неблизкий — в Восточный Казахстан, в глухое село Иргиз. Впрочем, до обозначенного в предписании места мать и сын не доехали, добрались только до Челкара.

«Это между Актюбинском и Аральским морем, — вспоминал Юрий Михайлович свое первое суровое путешествие. — Отсюда (из Челкара) надо было на лошадях или на верблюдах добираться до Иргиза. Но оказалось, что Иргиз уже до отказа забит ссыльными, и Софье Александровне велено было остаться в Челкаре. Через день она и ее сын являлись в местный отдел НКВД для контрольной отметки»⁴.

Один из спутников Софьи Александровны, тоже высланный, кстати, известный специалист по Кватроченто, очень мило шутил по этому поводу: «У нас удостоверения-билеты желтого цвета — совсем как у до-революционных проституток».

⁴ Магалиф Юрий. История одной женщины / Ю. Магалиф // Дворянское собрание. — 1996. — № 4. — С. 130—136.

Но проституткам платят. А у ссыльных работы не было.

Два пожилых (высланных, понятно) питерских академика, присоединившиеся к ним Софья Александровна с сыном и еще одно бывшее питерское светило — очень известный врач — организовали трудовую бригаду по сооружению отхожих мест, с которыми в Челкаре всегда было туго. <...> За работу получали пресными лепешками.

Иногда удавалось подработать на местной опытной станции Института прикладной ботаники и новых культур. Была там такая. Но, несмотря на все это, Софья Александровна верила, очень верила, всегда верила, что случившееся с ними — всего лишь нелепая ошибка, знающие люди во всем разберутся, скоро все мы вернемся в Ленинград! В ожидании такого близкого и счастливого возвращения ссыльные хватались за любое подвернувшееся под руку дело: развозили местную почту... копали какие-то нескончаемые канавы... даже разрисовывали киноафиши...

Исправят, исправят ошибку! Домой вернемся!

Но вернуться домой удалось только сыну. «Дети за родителей не отвечают». Иногда срабатывали и такие формулировки.

Вернувшись в Ленинград, бесконечно счастливый Юрий Магалиф все прекрасное лето 1940 года провел в городе Пушкине. Не мог надышаться, нагуляться, нарадоваться. Знал, был уверен: и мама скоро вернется. Очень удачно устроился на работу в Екатерининский дворец-музей, сдружился с молодыми, влюбленными в свое дело искусствоведами, композиторами, художниками-реставраторами. Иногда даже печатался в местной газете «Большевистское слово» — писал для них небольшие заметки о всяких текущих делах.

В редакции этой газеты юный Юрий Магалиф познакомился с известным писателем Вячеславом Яковлевичем Шишковым, автором знаменитого романа «Угрюм-река».

«По заданию редакции, — вспоминал позже Юрий Михайлович, — настроил я солидный очерк о том, что делают ленинградские писатели в своем Доме творчества. Я подробно и живописно изобразил, как известнейшие литераторы играют в крокет и волейбол, как гуляют по эпическим липовым аллеям Екатерининского парка, какое обширное меню за их табльдотом. Очерк был опубликован, а на другой день разъяренные поэты и прозаики явились в редакцию, требуя выдать меня им на растерзание. “Да, мы играем в крокет! — кричал Михаил Козаков. — Да, мы гуляем и обедаем! Но, главным образом, мы здесь работаем. Трудимся! Пишем книги! Вот Решетов сборник стихов закончил! Каверин — пять глав нового романа! Слонимский! Тихонов!” Он давил на редактора знаменитыми фамилиями. И под таким мощным напором редактор с треском выгнал бы меня из редакции, но за юного очеркиста неожиданно вступился Вячеслав Шишков. “Молодой человек не очень-то виновен, — сказал Вячеслав Яковлевич. — Он ведь честно описал то, что видел — игры, прогулки. А наблюдать за писателем во время работы редко кому удастся. Да и что интересного в таком наблюдении! Сидит себе человек за столом, водит перышком по бумаге.

Наш труд — это дело потаенное, запершись от постороннего взгляда, строчим помаленьку»⁵.

С восторгом вчитывался юный Магалиф в стихи современных (не только революционных) поэтов, внимательно изучал томики популярного «Чтеца-декламатора», штудировал стенографические отчеты Первого съезда советских писателей, проведенного в Москве еще в августе-сентябре 1934 года. После невеселого Челкара, после убогих голых песков, пыльных улиц, неулыбчивых усталых людей — всей душой, всем телом радовался жизни. Это же счастье, это же великое счастье — свободно встречаться с интересными тебе людьми, читать нужные книги, строить планы на будущее!

А Софья Александровна не вернулась...

К концу ссылки, к концу назначенного ей срока она добилась все-таки встречи с начальником лагеря. Полная самых радужных надежд (ведь срок заканчивается, скоро увидит сына! родной город увидит!), не сдерживая тревожного и счастливого нетерпения, спросила: «Когда же мне можно будет вернуться в Питер?» И услышала холодный ответ: «Ваша ссылка бессрочна».

Пережить «бессрочную» ссылку вряд ли возможно.

Кухонным ножом вскрыла вены. Умерла от заражения крови.

Впоследствии Юрий Михайлович даже могилу матери не смог отыскать в голых, пыльных, серых песках Челкара.

3.

В Ленинграде Юрий Магалиф поступил в Театральный институт. Конечно, вольнослушателем. Сын репрессированной, он даже документа об окончании института не смог получить, просто выдали на руки справку: «Артист-чтец... окончил четыре курса...»

С 1937 года — работа в Ленинградской областной филармонии.

Там встретился с Людмилой Эрнестовной Гиттерман — немкой по происхождению.

Упорная, волевая Людмила Эрнестовна в свое время училась балетному искусству и хореографии у замечательного балетмейстера-педагога Агриппины Яковлевны Вагановой. Это Ваганову тогда называли царицей вариаций, лучшей солисткой времен Петипа! О танце ее писали, как о шедевре классической пластики.

Людмила была старше Юрия почти на десять лет, но для них тогда это не имело никакого значения. Магалиф искренне, всегда радостно восхищался ею. Старался бывать рядом с нею как можно чаще. Конечно, ведущей в этой влюбленной паре была Людмила. Ее воля, казалось, все могла победить. Даже через много лет Юрий Михайлович утверждал (и не только в шутку), что, сложились их судьбы иначе, Людмила Эрнестовна его самого вывела бы в академики.

А жили в какой-то ленинградской каморке, как все.

⁵ Магалиф Юрий // Писатели о себе: сборник. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. — С. 137—139.

На браке Людмила Эрнестовна не настаивала, даже когда забеременела. Возмущенный ее отказом от брака, Юрий Михайлович пришел жаловаться к Вере — сестре Людмилы Эрнестовны — и услышал от нее удивленное: «Брак? О чем ты? Какой брак? Ты же еще мальчишка!»

Но «мальчишка» настаивал.

Так и получилось, что после ареста мужа Людмила Эрнестовна осталась одна. Одна на всю жизнь. Были у нее очень хорошие партии, как принято было говорить, но Людмила Эрнестовна на всю жизнь осталось верной Юрию Михайловичу; всю свою любовь, так жестоко прерванную арестом мужа, перенесла на сына...

Студента Юрия Магалифа арестовали в июле тяжелого 1941 года (уже шла война) — по известной 58-й статье Уголовного кодекса СССР. Основание для ареста: хранение (и чтение) запрещенной литературы, прежде всего — толстого (под семьсот страниц) тома стенограмм Первого съезда советских писателей. Кстати, злополучный этот том Магалиф взял почитать у Вячеслава Яковлевича Шишкова.

<...>

4.

Вон стоит у меня на полке экземпляр стенограмм. Дружески подарен московским писателем-историком. Многие листы в этом экземпляре аккуратно (бритвой) вырезаны.

И все же странно: вырезав листы с выступлениями Карла Радека, В. М. Киршона, Н. И. Бухарина и других, саму эту толстую солидную книгу (пусть даже так сурово искалеченную) все-таки не выбросили. Понимали, наверное, что вырезанные листы с именами «врагов народа» — это все-таки подтверждение некоторой лояльности, даже законопослушности, а вот целиком *выброшенная* книга...

Юрий Михайлович свой экземпляр не выбросил.

А ведь знал, прекрасно знал молодой студент Театрального института, не мог не знать о некоей «ущербности» этой книги. Всякие высокие разговоры о священной свободе слова и печати в те годы уже перешли в разряд разговоров чисто кухонных.

<...>

6.

Юрий Михайлович не любил рассказывать о пережитом. А если вдруг начинал рассказывать, то непременно с оговорками.

«Вполне может быть, что мои заметки, — признавался он в своих воспоминаниях, — могут показаться кому-то странными из-за того, что в них нет кошмарных лагерных сцен, описанных Солженицыным, Шаламовым, Жженовым. Что поделать. Уж, видно, так устроена память сердца моего, что ужасные картины запомнились плоховато. Конечно, изуверы и палачи были не только на Колыме, но и на Печоре, в Акмоллинске, в Сибири. Возможно, кто-нибудь еще напишет про страшный

лагерь уничтожения в Искитиме (на известковом карьере), куда я чуть не угодил перед самым своим освобождением. Но сейчас мне хочется подчеркнуть, что свет не без добрых людей, что даже среди лагерного начальства мне посчастливилось встретить порядочных граждан: и, в общем, их было не так уж мало в Новосибирске военного времени»⁶.

Много в чем «посчастливилось» Юрию Михайловичу.

Уже на второй день пути из Ленинграда в Сибирь, вспоминал он, эшелон с заключенными попал под обстрел неожиданно налетевших фашистских самолетов. Поезд остановился прямо посреди поля, охрана разбежалась под защиту недалеких густых деревьев, только заключенные, конечно, остались в запертых вагонах.

Повезло, никто не погиб. Но память о случившемся осталась. Даже в «Приключениях Жакони» нет-нет, да мелькнет некая тень.

«Иногда Жаконя просыпался и слушал разговор людей в поезде. Люди беседовали между собой. В Сибири, конечно, хорошо жить. Только холодно очень. Это что и говорить. Морозы там бывают очень сильные. А мне нужно обязательно жить в тепле. Ой, погибну я там, в Сибири»⁷.

Счастливчик Магалиф не раз утверждал: везло ему.

К примеру, в арестантском вагоне соседом по нарам оказался некто Будагов. Тогда эта фамилия ничего Юрию Михайловичу не говорила. Ну Будагов и Будагов, мало ли людей живет и с такой фамилией. Не молод, срок — десять лет; по сравнению со сроком Магалифа (шесть лет) и его возрастом («в лагере лучше трубить молодым») это поддерживало.

Фамилия Будагов всплыла в памяти з/к Магалифа позже, гораздо позже, уже после освобождения. Оказывается, Георгий Григорьевич Будагов был сыном того знаменитого инженера, что построил первый железнодорожный мост через реку Обь, — Григория Моисеевича Будагова. Даже одна из улиц Новосибирска носила тогда имя Будагова. Уже в пятидесятых годах известный актер-чтец Юрий Михайлович Магалиф (разумеется, уже освободившийся) выступал в Кыштовском районе; вот там афишу с его легко запоминающейся фамилией случайно заметил тот самый Будагов-младший, бывший его сосед по нарам в арестантском вагоне.

Понятно, увиделись.

Вспомнили.

7.

К счастью, до Магадана (как многие з/к боялись) Магалиф не доехал. Высадили его в Новосибирске. Не одного, конечно.

В холодный сибирский город шли и шли составы с эвакуированным из разных городов страны тяжелым заводским оборудованием. Катастрофически не хватало специалистов, катастрофически не хватало просто рабочих рук. Прямо под открытым небом ставили бетонные фундаменты,

⁶ Магалиф Ю. М. Далекий взлет / Ю. М. Магалиф // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний [авт.-сост. Т. Иванова]. — Новосибирск, 1999. — С. 149—158.

⁷ Магалиф Ю. М. Приключения Жакони. Любое издание.

на них — станки. Крышу и стены — это потом! Пока можно работать и под открытым небом.

Фронту нужно оружие! Всё для фронта. Всё для победы!

«Каждое утро по городу тянулись длинные колонны плохо одетых людей. Мужчины и женщины, старики и подростки: в рваных телогрейках, в замызганных бушлатах, в дырявых кирзачах, в уродливых бахилах под названием “четезе” они шли и шли из лагпунктов на объекты, — вспоминал позже Юрий Михайлович. — По бокам этих скорбных колонн шли солдаты с винтовками наперевес, злобно лаяли собаки, то и дело раздавались окрики: “Подтянись! Шире шаг!” и угрозы: “Шаг влево, шаг вправо — конвой стреляет без предупреждения!” В любую погоду — в жуткую непролазную грязь, в пятидесятиградусный мороз, в зной и в грозу, в дождь и в пургу — плелись по “второму Чикаго” сиблаговцы-сибулонцы — заключенные новосибирских лагерей...»

«И все-таки, — говорил Юрий Михайлович, — Новосибирск я воспринимаю как подарок судьбы. Меня ведь могли отправить в тот же Магадан на Колыму. А я попал в молодой, быстро растущий город».

«Юрий Михайлович, — рассказывала Надежда Константиновна Герасимова, редактор сказочных книг Магалифа, — не раз вспоминал те места своей жизни, с которыми когда-то был связан. Наш город, наш Новосибирск — он его точно любил.

И ничто любви этой не мешало.

Одна история из его жизни связана со встречей актера-чтеца Юрия Магалифа с детьми 36-й школы, которая находилась на улице Авиастроителей, называвшейся тогда еще улицей Жданова. Когда мы проходили с ним по этой улице, Юрий Михайлович непременно вспоминал о лагере, о пережитом там. В тот раз, о котором я рассказываю, встреча в школе уже закончилась, мы уже прощались с детьми, когда вдруг к нам подошла совсем незнакомая девочка. “Юрий Михайлович! — сказала она. — Я хочу передать вам привет от моего дедушки. Он говорит, что сидел с вами в одном лагере”. И назвала имя. Юрий Михайлович обнял девочку: “Конечно, я помню твоего дедушку. Передай ему от меня привет”. Когда мы уже ехали домой, я спросила: “Юрий Михайлович, вы действительно помните дедушку этой девочки?” Он улыбнулся. “Понятия не имею, о ком шла речь, но не мог же я обидеть ребенка”.

«Высокий забор, окутанный колючкой, приземистые бараки лагпункта, площадь для утренних разводов. Кормили плохо, — вспоминал сам Юрий Михайлович. — Нет, не плохо. Кормили омерзительно и унизительно. Пустая несоленая баланда, в которой в лучшем случае плавала косточка от вонючей наваги, жидкая, как слизь, каша из какого-то неведомого “магара”, вот и весь обед... И в наступление пошел смертельный авитаминоз, жуткая болезнь пеллагра, косившая тысячи людей... Но потом вдруг неожиданно, прямо как в сказке, все переменялось... Черпак раздавальщика плескал в ржавую миску суп, который уже нельзя было называть баландой, и каша была как каша — синеватая, конечно, но довольно густая, с рыжиковым маслом. Видно, кто-то сообразил, что строителей выгоднее кормить, чем хоронить с голодухи...»

8.

Однажды (в далекие семидесятые) в Свердловске в редакции журнала «Уральский следопыт» писатель Сергей Александрович Снегов, сам бывший «сиделец», рассказал мне и моему другу писателю Виталию Бугрову о некоем эксперименте, проведенном в тридцатые годы сразу в нескольких советских исправительных лагерях.

Всем понятно, что чем больше лагерей, тем больше бесплатных рабочих рук. Но также понятно и то, что работа из-под бича никогда не отличалась, да и не может отличаться высокой производительностью. Для решения этой проблемы и были созданы специальные команды.

В одних — з/к работали, как и прежде, по принуждению, в других — за поощрения (прибавки к пайкам, денежные премии, даже срок могли сократить за ударный труд). Команды, и те, и другие, формировались из разных людей — из крестьян, чернорабочих, инженеров, ученых, технической и прочей интеллигенции. Впоследствии почти все они (вместе с чинами, проводившими эксперимент) были ликвидированы, зато организаторы необычного эксперимента раз и навсегда утвердились в той простой истине, что чем ниже культура человека, чем хуже он ориентируется в общественной жизни, тем легче заставить его работать, всего лишь, скажем, пообещав... премию.

Совсем другое дело — техническая и творческая интеллигенция.

Этих «сволочей» непременно надо *заинтересовать*, пояснил нам Сергей Александрович, только тогда они смогут по-настоящему показать себя. То есть поручать важное и нужное для страны дело следует, прежде всего, именно тем, кто сам, по своему хотению тянется к созиданию, именно тем, кто сам, несмотря ни на что, ни на какие условия и ограничения, хочет *создавать* — самолеты, танки, сложные ирригационные системы, необычные жилые и промышленные здания, писать книги, научные статьи, да неважно что, лишь бы *самому!* лишь бы *по своей воле!*

Знаменитые «шарашки», в которых увлеченно трудились з/к Туполев, з/к Королев, з/к Чижевский и многие другие им подобные (позже знаменитые) деятели, возникали как результат таких экспериментов. В конце концов, даже «ленивых», не желающих работать доходяг все равно приходится кормить-поить, а типичный «враг народа» интеллигент Чижевский, к примеру, даже освободившись, будет сам просить, упрашивать оставить его в лагере ну еще хотя бы на полгода, ну еще хотя бы на пару месяцев, чтобы завершить начатое им дело.

Так что какой смысл морить нужных стране людей? Пусть стараются, пусть вырабатывают назначенную норму.

Вот и выживали в разных лагерях. По-разному. Иногда — просто по везению.

В первый, самый тяжелый год Юрия Михайловича из чистой жалости взял на работу в морг начальник местной медсанчасти.

В низком, холодном подвале работал в паре с з/к Магалифом венгерский поэт з/к Антал Гидаш.

«Он сапожным ножом, — позже вспоминал Юрий Михайлович, — вырезал фанерные бирки, руки его всегда были в кровотокающих мозолях. А я на этих бирках писал фамилию умершего и привязывал к левой ноге покойника...»

9.

Но даже самое плохое когда-то кончается.

В 1946 году истек лагерный срок з/к Магалифа.

И счастливчику (таким он себя считал) опять посчастливилось.

При запрете на проживание более чем в ста сорока крупных городах Советского Союза (посмотреть бы на этот список), бывшему з/к Ю. М. Магалифу было разрешено остаться в городе Новосибирске.

Узнав об освобождении мужа, в далекий Новосибирск приехала Людмила Эрнестовна с сыном.

К сожалению, годы разлук (да еще таких) не всегда сплывают.

Расстались...

Новое место, обстановка.

Где найти друзей, поддержку?

Ноги сами привели к местной филармонии.

«Выжил в лагере, значит, на воле выживу!» — думал упрямый счастливчик.

Подумаешь, запрещены для проживания крупные города! Люди везде живут. Даже в самой глухой провинции. Главное ведь, живут! Чем плох, скажем, разъезд с красивым названием Пихтач? Или пыльный шахтерский городок Судженск, с его черными угольными отвалами, по которым в ночи пробегают тусклые огненные змеи самовозгораний? Или далекое (действительно далекое) село Северное?

Куда ни глянь, везде люди живут.

В Татарске, в Кыштовке, в Чаных, Искитиме, Сокуре...

Вчера еще бесправный з/к Магалиф 27 апреля 1946 года (на всю жизнь этот день останется для него праздничным) был принят актером-чтецом в Новосибирскую филармонию!

Сбылась несбыточная мечта. Он — артист! Он — настоящий артист!

«Теперь я все время находился в движении. В Новосибирске, по моему, нет ни одной конторы, в которой бы я не выступил хотя бы раз. Нет такой деревни в Новосибирской области и ни одной области в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, где бы я не побывал»⁸.

Новые места... Все интересно, все прекрасно...

«Однажды, в 50-е годы, осенью, в дождливую погоду мы ехали с артистами, со знаменитым баянистом Иваном Ивановичем Маланиным по полям Новосибирской области. Подъехали к какой-то сушилке, возле которой работали промокшие, утомленные люди. Мы там им дали

⁸ Полозова Влада. «Я счастлив, что стал сибиряком». Интервью к 80-летию писателя / В. Полозова // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. — 1998. — № 28 (17 июля). — С. 12.

концерт, и эти люди поверить не могли, что перед ними выступают настоящие артисты. Они слушали нас и плакали от восторга»⁹.

Иногда актер-чтец Юрий Магалиф за месяц давал до семидесяти концертов.

Вот она свобода! Читал Льва Толстого и Николая Гоголя, Александра Пушкина и Александра Блока, Бориса Пастернака и Марию Петровых, современных поэтов, несть им числа. Бывали у него и спектакли-гиганты, такие, к примеру, как «Молодая гвардия» по роману Александра Фадеева или «Хаджи-Мурат» по повести Льва Толстого — каждый такой спектакль длился часа три!

И ведь слушали. И всегда готовы были слушать.

Тесные клубы, открытые полевые станы... Актер-чтец Юрий Магалиф мог выступить где угодно.

Бывало даже, что со спортивным комментатором Константином Брыкиным вел настоящие футбольные радиорепортажи. Ведь людям действительно интересно все: и победа «Спартака», и поэма «Сын» Павла Антокольского. Актер-чтец Магалиф гордился тем, что тысячи и тысячи людей, самых разных, благополучных и не очень, счастливых, усталых — разных! — знакомятся с лучшими образцами советской и зарубежной литературы именно с его помощью.

Радиовыступления в те годы были очень популярны.

Многие из встреченных надолго, а то и навсегда становились друзьями Юрия Михайловича. Вот с каким удовольствием в 1997 году, выступая уже даже не на радио, а на телевидении (телекомпания НТН-4, программа «Здравствуйте»), Юрий Михайлович представил одного из них.

«Вот сейчас вы встретитесь с моим другом. Сорок лет я дружу с этим человеком. Сорок лет, а может, и больше. Мы с ним и ругались, мы с ним и обнимались. Это прекрасный друг, прекрасный человек. Это человек, который прославляет наш город по всему миру. Этот человек — выдающийся артист, выдающийся музыкант. Он лауреат Государственной премии, он народный артист Советского Союза, он профессор Новосибирской консерватории, он главный дирижер Новосибирского академического симфонического оркестра. Ну, вы, наверное, уже понимаете, о ком я говорю. Это знаменитый Арнольд Михайлович Кац!»

И переходил на доверительный тон: «Вот, Арнольд Михайлович, у нас тут недавно выступал сам академик Велихов...»

«Это какой Велихов? Неужели тот, который атомщик?»

«Да, атомщик. Физик. Очень хороший человек».

«Очень приятно, что пригласили меня в такую компанию».

Еще бы! У актера-чтеца Магалифа плохих компаний никогда не было.

«Я тут расспрашивал некоторых наших гостей. Концепция выживания у всех складывалась практически одинаково».

«И как же?» — спрашивал Арнольд Михайлович.

«Работать, работать, всегда работать!»

⁹ Подистов Андрей. Сказки рождаются, как и стихи. Загадочно / А. Подистов // Западно-сибирский железнодорожник. — 1996, 25 июня.

«Что ж. Они совершенно правы!»¹⁰

С годами даже о ссылке своей, о мрачном лагере, о работе в лагерьном морге Юрий Михайлович начал отзываться без ужаса.

Ну, Сибирь, ну, лагеря.

Но теперь-то — Новосибирск!

«Публика ломилась на мои литературные вечера. Вечер стихов С. Есенина, вечер стихов Б. Пастернака. Люди ахали. Тогда невозможно было слышать это где-либо еще. Мой век — это век резко континентального социального климата. И все-таки я счастлив, что жил именно в этот период. Какие прекрасные писатели и художники жили в нашем городе — Елизавета Стюарт, Леонид Решетников, Николай Грицюк! Да, мы нелегко, тяжело жили, возмущались и страдали. Однако папанинцы высадились на Северном полюсе в мое время и в моей стране! И грандиозный чкаловский перелет был у нас! Это мы стояли на тротуарах, когда пролетал над нами первый спутник! И что было с нами, когда полетел в космос Юрий Гагарин!»

Как актер-чтец Новосибирской (с 1946 года), Хабаровской (с 1957-го) и Кемеровской (с 1969-го) филармоний Юрий Магалиф объездил множество городов, станций, поселков, деревень. В его репертуаре (а значит, в памяти) значилось (хранилось) более девятисот (по факту, наверное, больше) художественных произведений. Жаль, что многих и многих его концертных записей не сохранилось.

Жизнь и сказки

1.

В Новосибирске вчерашний з/к Юрий Магалиф нашел не только работу.

Он спутницу там себе нашел. Прекрасную умную спутницу на многие-многие годы, почти на всю жизнь. Звали ее Ирина Михайловна, фамилия — Николаева. Самые обычные имя и фамилия. Но Магалиф горел! Он был счастлив. Он на полном серьезе утверждал, что в жилах его избранницы течет настоящая царская кровь!

Не голубая, а именно царская.

Я переспрашивал.

Ирина Михайловна была старше мужа на восемь лет, и вместе они прожили чуть ли не полвека — сорок семь лет. Работала концертмейстером в той же филармонии и попала в Сибирь тоже из Ленинграда — блокадного. Пережила там голод и холод, а вот родители и старшая сестра не выдержали чудовищных тягот блокады; и старший брат погиб в первый день войны.

В общем, всё как у всех. Даже поднадзорный муж не пугал Ирину Михайловну.

---

¹⁰ Магалиф Юрий. Интервью с А. М. Кацем / Ю. Магалиф // Помним таким. Арнольд Кац: воспоминания. — Новосибирск: Сибирский успех, 2014.

Да, пережито много. Но ведь не только они одни такое пережили. Вот и не было в Ирине Михайловне ничего трагического. Темные волосы, темные глаза, светлая улыбка. Любила посмеяться, поговорить. При этом — слушать умела. «Всегда царило хорошее настроение в их семье, — вспоминала художница Любовь Павловна Лазарева. — Я приносила Юрию Михайловичу картинки, сделанные к “Приключениям Жакони”, но их первой оценивала Ирина Михайловна — остро, умно, дружелюбно. Сам Юрий Михайлович ни в какие обсуждения не вдавался. А на вопросы отвечал веселой улыбкой».

Как бережно, заботливо и точно
соотнесен с природой наш язык.
Не говорят — «состарился источник»,
нельзя сказать, что «одряхлел родник».

Ты — воплощенье сущности природы.
И, словно родниковая вода,
прозрачней, тоньше станешь через годы,
но старую не будешь никогда...

Так писал Юрий Михайлович о своей жене.

«Я человек не рационалистичный, — признавался он. — Для меня огромное значение имеет первое впечатление, чисто эмоциональное восприятие. Женщины, вопросы любви, симпатии и самой обыкновенной физической страсти всегда играли в моей жизни важную роль, иногда даже руководили мной. — И особенно подчеркивал: — Я никогда не встречался с женской изменой. Но и не отдавался желанию без страстной влюбленности»¹¹.

Были ли у него комплексы?

Ну и вопрос! Как бывшему з/к без комплексов?

В том же интервью (посвященном, кстати, его восьмидесятилетию) Юрий Михайлович охотно признался:

«Комплексов у меня даже не один — а целых три. Бери немножечко меньше, чем дают, давай немножечко больше, чем просят. Никому не завидуй. И — всегда будь готов к неожиданной встрече с прекрасной женщиной».

Встреча с Ириной Михайловной подтолкнула Магалифа к творчеству.

В пятидесятые годы он снова начал печататься. Сперва в альманахе для детей — «Золотые искорки» (небольшой очерк — «Героическая профессия»), затем в более солидном сборнике — «Сибирская новь» (тоже очерк — «Приметы времени»).

Но все это — подступы.

Он будто ждал какого-то знака.

И дождался. Ведь он — счастливчик!

У Ирины Михайловны с детства бережно хранилась тряпичная игрушечная обезьянка по имени Жаконя. Мама сшила ее для маленькой

¹¹ Белоусов Сергей. Юрий Магалиф всегда готов к неожиданной встрече с прекрасной женщиной / С. Белоусов // Новая Сибирь. — 1988, 4 сентября.

Иры. Удивленный и растроганный Юрий Михайлович быстро (он утверждал, что очень быстро) написал и в 1957 году издал первую свою книжку — «Приключения Жакони».

Андрею Подистову, журналисту, Юрий Михайлович рассказывал: «Как-то я съездил на Чукотку и рассказал об этой своей поездке на радио. Мой рассказ очень понравился детям, и ко мне стали приставать работники радио, чтобы я что-нибудь сочинил для детей. Я отказывался, потому что никогда ничего такого не писал, тем более для детей. Но все-таки сочинил. Это была первая моя сказка — “Приключения Жакони”, про тряпичную обезьянку. Она ведь действительно существует. Она ведь действительно до сих пор живет в моем шкафу. — И добавил со своей замечательной улыбкой: — Сейчас ей уже восемьдесят пять лет»¹².

Книжка сразу понравилась читателям.

<...>

«...Я тогда была студенткой, — вспоминала художница Любовь Павловна Лазарева, иллюстрировавшая чуть ли не все сказки Магалифа. — И мне очень хотелось рисовать. При этом очень хотелось рисовать именно книжки.

<...>

Видимо, я так сильно хотела рисовать детские книжки, что мой запрос, несомненно, был услышан. Писатель Юрий Магалиф готовил к изданию сборник своих сказок, вот наши общие друзья и подсказали мне — а ты нарисуй.

Конечно, я попробовала.

И старалась. Очень-очень старалась.

И — о чудо! — Юрию Михайловичу рисунки понравились.

<...>

...В конце концов все мои иллюстрации были приняты, и книга Юрия Михайловича “Сказки” вышла в свет — огромным сотысячным тиражом! До сих пор встречаю людей, удивляющихся: “Как? Это ты рисовала «Сказки» Юрия Магалифа?” И опять, и опять выясняется, что почитателей у писателя Юрия Магалифа всегда было очень и очень много».

2.

Книжкой о славной тряпичной обезьянке Жаконе Юрий Михайлович, несомненно, освободил себя от некоторых своих невеселых воспоминаний. От природы он был человеком жизнерадостным и всегда тянулся к празднику. Приученный всей своей прошлой жизнью к постоянной тревоге и осторожности, он сильнее многих тянулся к праздничности.

И вот Жаконя.

Настоящая тряпичная обезьянка.

Красная курточка, синие штанишки, хвост из коричневого шнура.

¹² Подистов Андрей. Сказки рождаются, как и стихи. Загадочно / А. Подистов // Западно-сибирский железнодорожник. — 1996, 25 июня.

Ну, понятно, еще вязаная шапочка, ватные башмачки. Девочка Ира (Ирина Михайловна) всегда, всю свою жизнь тщательно следила за одеждой своей любимой игрушки.

«Юрий Михайлович жил тогда на улице Блюхера в самой обыкновенной хрущевке, — вспоминала Любовь Павловна Лазарева. — Запомнилось много книг на стеллажах. Запомнилась картина на стене, написанная, кстати, самим Юрием Михайловичем. Уверенно была написана, без тени любительства...

Почему-то в те годы по самым разным поводам (отсутствие поводов тоже не сильно мешало) наша компания собирались в доме Гнедковых. Там было шумно и весело. Юрий Михайлович умел (и любил) не только удивлять, но и удивляться. «Любочка, — к примеру, говорил он мне. — Вы художница, а художники, я знаю, пьют водку. А вы почему водку не пьете?» И смеялся, искренне смеялся моему ответу: «Я ведь, Юрий Михайлович, детская художница!»»

На детей Юрий Михайлович смотрел как на героев вечной сказки. В «Приключениях Жакони» это сразу чувствуется, с самых первых страниц.

Папа шестилетнего Мальчика собирается строить в Сибири большой завод.

Провожая Папу, Мальчик на прощанье отдал ему Жаконю.

То есть Мальчик отдал Папе свою самую любимую игрушку, а сам с Мамой (ну, сами понимаете, временно) остался в родном городе. Ведь все равно скоро увидимся! (Ах, какой знакомый мотив.) В итоге Папа и Жаконя устроились в далекой Сибири у какой-то местной Старушки, очень правильной, очень умной, но слишком уж занятой своей личной коровой. Корова эта умом была не сильно богата, зато умела чудесно моргать длинными своими ресницами.

А Папу Сибирь удивила.

Сперва он думал совсем как Жаконя. «Ой, я ведь там замерзну... Ой, мне обязательно нужно жить в тепле... Ой, погибну я в этой Сибири...» Но быстро, очень быстро, даже быстрее, чем он сам думал, убедился Папа в том, что в далекой Сибири не так уж страшно. (Никаких этих «четезе» на ногах... серых бушлатов... заплатанных телогреек...) Зимой, понятно, снег, метели, зато летом — деревья в зеленой листве. И веселье в небе птицы. И сильные, мощные — на полях — комбайны.

Все красиво, все удобно.

Изба правильной Старушки сложена из сосновых бревен, даже запах смолы еще не выветрился. Утром Папа уходил на работу, никогда не пропускал ни одного рабочего дня, никогда не опаздывал, хотя еще в апреле 1956 года отменили в СССР суровый Указ о судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с рабочего места, за любой прогул без уважительной причины.

Но Жаконю с собой на работу Папа не брал.

Оставаясь один, Жаконя сильно скучал. Чем заняться?

Ну, радио есть. Только что толку? Вечно все одно и то же, одно и то же.

Подумаешь, построили умелые инженеры, ну, такие, как Папа, железную дорогу из самой Москвы до китайского Пекина. Новость, конечно, хорошая. Но Мальчик и Мама все равно никак не приезжают в Сибирь... Или вот, в каком-то итальянском городе, название не запомнить, советские спортсмены впервые в истории получили кучу золотых наград. Ну, получили и получили. С Мальчиком было бы интересно обсудить такую новость, но где наш Мальчик? был ли Мальчик? Кстати, ревниво думал Жаконя, он лично сам мог заработать самые дорогие, самые олимпийские, самые золотые медали — например, за прыжки со стула на стол, со стола на книжный шкаф, со шкафа на абажур, да, в конце концов, за художественное кусание переплетов самых толстых, самых умных Папиных книг.

Разве не интересный вид спорта?

А знают о нем только хитрые и недалекие коты Васька, Фомка и Дымка.

Коты эти — совсем подлые, совсем наглые. Когда впервые познакомились, Жаконя страшно радовался, вот друзей нашел! Постарался каждому понравиться. Вежливо и красиво приподнимал кончиком хвоста свою удобную шапочку, крепко пожимал сразу двумя руками и одной ногой три протянутые к нему мягкие кошачьи лапы, а они, эти наглые коты, оказывается, только и умеют — воровать у Старушки сметану и распевать страшные песни.

Мы крадемся по темным чуланам,
мы гуляем в сырых погребах,
где в горшочках белеет сметана
и где мясо висит на крюках!

<...>

Сделают что-нибудь плохое и радуются. При этом все свои проделки сваливают на безответного Жаконю, да еще как бы даже жалеют его. «Эх, Жаконя ты, Жаконя, — удалая голова!»

Ну что с такими сделаешь? Ведь он, Жаконя, простая тряпичная игрушка. Особенным умом не блещет, да и не блистал никогда. Только когда честно (как вот сейчас) о себе думает, становится немного умнее. Это болтливая Сорока, да важные Ворона и Дятел, красивые Чижик со Снегирем, даже суетливые Воробьи относятся к нему, к тряпичной обезьянке, как бы снисходительно. Сорока вообще унесла его без спросу в свое гнездо, утроенное на высокой березе. Не драться же с нею! Она, кстати, умеет за себя постоять, и клюв у нее будто железный. Высокая береза так сильно раскачивается под ветром, что запросто можно вывалиться из гнезда. Но Сороке всё нипочем. Болтливая, она мечтой своей заветной делится с полюбившимся ей Жаконей.

«Я очень хочу, чтобы ты научился беззаботно порхать. — Вот какая у нее мечта. — Порхать — это так чудесно!»

И стыдит, стыдит игрушечную обезьянку.

«Ну, чего ты у меня опять задумался? — стыдит. — Ну, чего ты опять задумался, мой деточка? Не должен ты теперь задумываться! Задумываются пусть совсем другие птицы, а ты, мой деточка, должен жить без всяких мыслей!»

И трещит, не отстает: «Я сделаю тебя самой важной птицей в лесу!»

А как Жаконе, тряпичной обезьянке, научиться порхать? Он же бескрылый.

<...>

Хорошо, что автор книжки писатель Юрий Михайлович Магалиф все-все-все наперед знает про своих героев. Он, писатель Юрий Михайлович Магалиф, все-все-все, абсолютно все знает и про Папу, и про Мальчика, и про Старушку, и про Сороку, и даже про хитрых и подлых котов. Писатель этот всего в жизни посмотрелся. Его никакая Сорока не обманула бы. Он даже радио слушает как-то по-другому, не как Жаконя. Почему-то страх как интересно ему узнать и о первой советской полярной станции в Антарктиде, и о первых советских золотых олимпийских медалях, и про то, что даже у самого первого красного Председателя большой соседней страны Китай — Мао Цзэдуна — тоже есть грандиозная мечта. Этот Председатель тоже мечтает сделать свою большую, но бедную и отсталую страну великой державой. Так что не до сплетен сорочьих писателю Магалифу. Писателю Магалифу стенограмм Первого съезда советских писателей надолго хватило.

И вообще, это только в сказках на улицах и в полях — всегда весна.

Там, в сказках, на улицах и в полях снег растаял, ходят по черной пашне черные важные грачи, ну прям вылитые агрономы! Скворцы по-свистывают возле деревянных скворечников. А на бревенчатой стене большой и веселой советской школы высыпавшие во двор после веселого советского звонка веселые советские ребятишки шумно и весело вывешивают над входом веселый, яркий, ими же нарисованный плакат «Да здравствует 1 Мая!».

Короче, у Старушки скучно, а у Сороки страшно.

Страдает Жаконя от всего этого, не может не страдать.

И понимает его только писатель Магалиф Юрий Михайлович.

Он, этот писатель (не зря у него такая необыкновенная, такая волшебная фамилия), никакой работы не боится. У него в запасе много интересных, всем понятных слов. У него и взгляд внимательный и веселый. И усики веселые. А на голове — мягкая береточка коричневая. По виду — самый обыкновенный человек, и водолазка на нем самая обыкновенная, а присмотришься — нет, человек он совершенно необыкновенный. И веселые книжки для детей пишет, и чудесные акварели рисует, и прямо со сцены читает для людей интересные стихи, он даже умеет из обычных сухих древесных корней вырезать такую необычную всячину, что залюбуешься...

3.

С концертами актер-чтец Юрий Магалиф выступал в самых разных городках и поселках Новосибирской области. Там красивых мест много, но больше всего понравилось Юрию Михайловичу село Юрт-Акбалык.

Это — в Колыванском районе, на берегах реки Уень. Населения там всего-то человек триста, почти все татары. Везде, куда ни глянь, роскошные кедры, темные сосны, луга зеленые.

Не случайно Юрт-Акбалык издавна облюбовали новосибирские писатели: поэты — Елизавета Стюарт и Леонид Решетников, прозаик Елена Коронатова, а с ними художник Владимир Колесников.

Там и Магалиф поселился.

Сам ходил в гости, к нему ходили.

Учительница Халима Мухамадшеевна Сатышева оставила такое воспоминание.

«Помню, как Юрий Михайлович улыбался, склонившись над тетрадкой за столом у нас в доме. Вдруг громко рассмеялся, как ребенок, и, весело мне подмигнув, сказал, что очень скоро познакомит меня с Жаконей. — (Именно в Юрт-Акбалыке Юрий Михайлович писал о приключениях своей тряпичной обезьянки.) — Мне даже показалось, что человек с таким загадочным именем “Магалиф” сам должен быть волшебником...»

Колокольчик местной славы
упоительно звенел!
И казалось, что по праву
этой славой я владел.

Отравлялся сладким ядом,
когда шепотом вослед
лепетали: «Вот он, рядом —
наш артист и наш поэт!»

Эти стихи тоже были написаны в Юрт-Акбалыке.

Там трава, деревья. Там тишина. Юрий Михайлович работал, Ирина Михайловна занималась домом и садом. Бывшая блокадница, она, к сожалению, часто болела, но небольшой сад под ее присмотром цвел и разрастался. Глядя в открытое окно на деревья и траву, Юрий Михайлович писал: «Осень кончилась, наступила зима. Затрещали морозы. Все вокруг занесло снегом: и лес, и поля, и Старушкину избу, и хлев, где стояла Зоренька, и будку, где жил Черныш...»

4.

В Юрт-Акбалыке, кроме «Приключений Жакони», Юрий Михайлович написал еще и повесть «Что в сердце твоём?».

Герой этой повести актер-чтец (дело знакомое) Макар Петрович Касаткин приезжает в отдаленное село Березово. Там у него всего один

концерт, мог бы и не ехать, но попросил его по старой дружбе заехать в это село старый добрый знакомый Ржанский, кстати, народный артист, не просто так. В Березове, оказывается, живет и работает Тоня, дочь бывшего его учителя. Конечно, она уже давно не девочка Тоня, а взрослая красивая девушка по имени Антонина Захарченко. Работает в местной школе и — такой вот характер! — почему-то возник у нее конфликт с известным писателем Шайдуровым, который сам уже давно в это село переселился.

<...>

Касаткин... с Антониной встречается.

«Надо же! — изумленно всплескивает она руками. — Какая я стала несообразительная! Ведь не раз слышала по радио: “Стихи читает артист Макар Касаткин”, а сама думала, он, наверное, из Москвы. А ты, оказывается, обретаешься у нас в Сибири! Я тут, — совсем разоткровенничалась, — редко вспоминаю и тебя, и всех наших ребят. Вы ведь для меня принадлежали к миру отца, своего учителя, к миру взрослых людей. А мне сколько было? Ну, от силы тринадцать... Может, четырнадцать... Тебе-то тогда двадцать пятый шел... Иногда вспоминаю детство... Актюбинск... Но чаще — Ленинград, куда нас отец перевез. Вы ведь у нас именно в Ленинграде появились — лихой студент Коля Ржанский и с ним Макарушка Касаткин».

Вот и всплывает прошлое.

Актюбинск... Ленинград родной...

О чем бы писатели ни рассказывали, они рассказывают о себе.

Писатели любят прятаться в глубине своих текстов, свое личное прячут за обычными, казалось бы, словами. Неважно, о чем идет рассказ — о сельских жителях, о тряпичной игрушке, о сорочьем гнезде, — все равно каждый писатель пишет о себе...

<...>

«Макар Петрович, — рассказывал в своей повести Юрий Михайлович, — уставший после дневного путешествия, сидел в маленькой комнатке за кулисами. Тошнотворно пахло казеиновым клеем: возле батареи стояли банки с плакатными красками. Медный позеленевший геликон, как Змей Горыныч, висел на согнутом гвозде. За окном в сумерках орали ребята...»

Звучит не сильно весело.

Но вы читайте, дальше читайте.

«Касаткин любил сцену, особенно дорожил своей профессией за то, что, выступая, он как бы забывал про все на свете, и даже про самого себя. На сцене он всегда был здоров (а ведь не раз ему приходилось выступать даже с высокой температурой), не испытывал никаких обид. Все оставалось там — в пяти шагах от него, за серой пыльной кулисой...»

Конечно, Магалиф писал это о себе.

«Что может рассказать о тюрьме человек, если он там не был! — откровенничает в той же повести Промтов, бывший священник. — А вот вообразите себя посреди стен одиночества, которые сами воздвигли. Кончалась война. Кончалось кровопролитие. Радоваться бы, ликовать.

А у меня после войны — ни родных, ни близких, ни дома, ни пристанища — отец убит, мать умерла. Куда ни обернусь — как огненное знамение на Валтасаровом пиру, начертано: “Горе, горе тебе, одинокому!” И приятель-сослуживец посмеивается, спрашивает: “Желаешь свежий анекдотик?” Слушаю, улыбаюсь, но — через силу. Улыбаюсь, а сам думаю — да как же так? как такое возможно? анекдотик! Ведь у нас позади река крови, гибель любимых...»

Конечно же, это мысли самого Юрия Михайловича.

А Промтов что? Ну, не утвердился в вере бывший священник.

Подсказок в этом деле нет. Утверждаются в вере только наедине с собой. А подталкивать человека, подсказывать ему что-то — к хорошему не всегда приводит.

<...>

Сказки и жизнь

1.

Частые, иногда долгие поездки многому научили Юрия Михайловича.

В автобиографии, написанной в начале шестидесятых для сборника «Писатели о себе», он честно признавался: «Писателем я стал недавно». И специально подчеркивал: «А артистом работаю, можно сказать, с самого раннего детства — всю свою сознательную жизнь».

К сожалению, прошлое — это не только детство.

Мне снился сон. Как будто снова я
помолодел и восседаю снова
с законной пайкой хлебушка ржаного
на смрадной груди рваного белья...

Мы здесь его стираем. А потом,
где можно, ставим новые заплатки.
А дальше — в установленном порядке —
белье в эвакогоспиталь сдаем...

Вода в корыте — с кровью пополам.
Мир пахнет потом и зеленым мылом.
Нет передышки нашим бедным силам
и нет скончанья горестным делам...

2.

Конечно, известность писателю Магалифу принесли сказки.

«Приключения Жакони» издавали и переиздавали, на ленинградском телевидении одно время шла веселая программа «Тяпа, Ляпа и Жаконя», — ну как оставить такого обаятельного героя без компании?

Вот в 1960 году и присоединился к Жаконе еще один необычный герой — грузовичок Бибишка.

Самый настоящий грузовичок.

Конечно, игрушечный, но — грузовичок!

Прозвище у него было соответственное — Славный Дружок.

И жизнь понимал этот грузовичок ничуть не хуже людей.

Да и как могло быть иначе? Ведь собирали Бибишку самые что ни на есть живые люди — металлурги, слесари, токари, строгальщики, электрики, инструментальщики, в общем, все, кто имел хоть какое-то отношение к делу.

Потому и соображал Бибишка лучше, чем какая-то там тряпичная обезьянка.

Вообще, людям, своим прямым создателям, Бибишка — Славный Дружок готов был помогать всегда и везде, особенно осенью, когда уже холодает, когда земля от первых дождей уже размокла, размякла, а урожай еще не убран!

Тут, разумеется, многое зависит от сидящего за рулем шофера.

«Но какой бы шофер ни сидел за моим рулем, — думал про себя склонный к таким размышлениям Бибишка — Славный Дружок, — я-то уж точно должен работать как полагается...»

3.

Актер-чтец всегда в пути.

В отдаленных городках, в глухих деревеньках, в просторных селах, на железнодорожных станциях, даже на каких-то совсем уж забытых таежных полустанках, в тесных прокуренных клубах, и на открытых площадках, и в школах, даже на полевых станах известный актер-чтец читает людям стихи.

Кстати, и свои собственные тоже.

Моя бабка Федосья Трофимовна
(«бесподобный Феничкин носик»,
как писал Алексей Плещеев)
была барышням не в пример:
то драгун ее песни слушал,
то голодный студент-христосик.
Возносило ее на галерку,
опускало ее в партер...

Мне от бабки Федосьи Трофимовны
по наследству досталось цыганство:
безразлично, что в изголовье, —
лишь нашлось бы место, где лечь;
и хотя пел я песни многим,
но всегда ценил постоянство;
и хотя обитаю в Сибири,
но люблю ленинградскую речь...

Я, как бабка Федосья Трофимовна,
если вдруг приходится лихо,
говорю: «Ерунда все это,

мимо кладбища не пронесут!»
Если счастлив — живу я громко,
а несчастлив — живу я тихо.
И по солнышку начинаю
свой веселый нелегкий труд...

«Мимо кладбища не пронесут!» — такое не придумаешь; это из жизни.

Помню, как шумно восхищался стихами Юрия Михайловича назвавшийся в Новосибирск то из Барнаула, то из Омска поэт Вильям Озолин. «Над вами, Юрий Михайлович, — вскидывал он сильные руки над головой, — какие-никакие Арины Родионовны пели, а нас, — качал головой, оглядывал собравшихся, — в основном Пугачиха пугает...»

Конечно, делились своими планами.

Для чего, собственно, писатели собираются?

<...>

5.

Проза, сказки.

И еще — акварели!

В семьдесят четвертом году — первая выставка. В семьдесят шестом — вторая. Затем — в семьдесят восьмом, в восемьдесят втором, в девяносто втором.

Зимний лес... речная гладь... скошенные луга... уютная деревенская окраина... такой же уютный дворик... простые деревянные ворота... заснеженный город... арочный мост... цветы...

Художник — это взгляд внимательный. Художник — это терпение.

Отсюда этот низкий нежный туман, пустынная щетина покоса, темный, наклонившийся над водой тальник, лодка, мокрые сети, растянутые на кольях, песок — влажный, убитый, зато не пыльный... как когда-то в Челкаре.

Так что ж нам поделать со Временем этим?
Вернуться домой, поумерив желанья?
Иль с криком лететь, уподобившись детям,
на утренний праздник купанья, купанья?!

Написано в сентябре 1976 года.

Надежда Константиновна Герасимова вспоминала: «На новоселье Юрий Михайлович подарил мне одну из своих художественных работ... и когда потом приходил ко мне, то всегда непременно останавливался перед нею и как бы замирал в немом восхищении. Так постояв несколько минут, спрашивал: “Да чьей же кисти принадлежит этот несомненный шедевр?” И я, будто небрежно, отвечала: “Да так... кисти какого-то Магалифа...” Он возмущенно вскидывал руки: “Зря! Зря! Ох, зря я подарил тебе эту картину. Чтобы понимать настоящее искусство, тоже надо иметь талант!” Поддерживая веселую игру, я начинала как бы растерянно

доказывать Юрию Михайловичу, что я всего лишь пошутила, а он упирался, делал вид, что сердится, очень-очень сердится, что он страшно расстроен, так расстроен, что вот прямо сейчас снимет со стены эту превосходную, мною нецененную работу... В юности ему пришлось столкнуться с очень жестокой, даже страшной несправедливостью, но вот сумел он остаться все тем же веселым, живым, все понимающим человеком — в самом высоком смысле этого слова...»

6.

Для писателя очень важен первый успех.

Для писателя первый успех многое определяет.

Начинал Юрий Магалиф с очень успешных «Приключений Жакони», так что не случайно в 1968 году (понятно, в надежде на новый успех) появилась еще одна сказочная повесть — «Необычные приключения одного мальчика и его говорящего ворона». (Переиздания ее выходили под несколько измененным названием — «Типтик, или Приключения одного мальчика, великолепной Бабушки и говорящего Ворона».)

Описывались в повести приключения Тимофея Птахина.

На этот раз читатели увидели настоящего мальчика, а не игрушечную обезьянку.

Правда, жил этот Тимофей Птахин, он же Типтик, в каком-то странном стеклянном городе, настолько набитом всякими маленькими, но умными машинами и механизмами, что самим людям уже не к чему приложить руки.

Чем же занимаются свободные от дел горожане? Где работают? К чему стремятся?

А ничем они не занимаются, ничего не делают, не работают, — к чему им стремиться? Со всем в городе справляются умные машины и механизмы, а свободные от дел жители стеклянного города сонно бродят по улицам и по своим квартирам, будто что-то потеряли, а найти не могут. Выглядывают в открытые окна, подремывают на открытых балконах, иногда, задрвав головы к синему небу, лениво и сонно к чему-то прислушиваются.

Куда им идти и зачем?

На всех проспектах, площадях, улицах, даже во всяких закоулках холодно шуршат, позвякивают, поблескивают одинаковые цветы из бумаги, жести, стекла, а вокруг них все время суетятся бесчисленные крохотные машины и механизмы. Обдают стеклянное царство распыленной водой. Красивые радужные капли скатываются со стеклянных лепестков на стеклянные листья.

Живи в свое удовольствие. Ни дел тебе никаких, ни учебников. В стеклянном загадочном городе даже любимым делом заниматься запрещено.

Ну хоть беги прочь из этого стеклянного царства!

Только куда бежать? Где найти город, еще не захваченный крохотными, но умными машинами и механизмами?

Есть ли на свете такой город?

Да есть, есть, конечно! Некоторые его даже видели!

Видели, видели. Правда, не прямо перед собой, а на совершенно замечательной картине, которую написал в давние-давние времена один Знаменитый Художник. К несчастью для всех, художник этот погиб в мрачной царской тюрьме (сказка Магалифа писалась в середине прошлого века, отсюда и такой несколько архаичный антураж), а та совершенно замечательная картина, которую некоторые видели, находится сейчас неизвестно где, неизвестно у кого.

Вот бы разыскать замечательную картину!

Впрочем, слухи о ней ходят разные. «Было такое дело, — вспоминал, например, Дядя Ловушка. — Полез я однажды на старый чердачок: думал парочку голубей отловить. Вижу, на чердаке картина валяется — вся в пыли да в паутине. Чего ж добру пропадать? Взял я картину, принес домой, вымыл чисто, с мылом. Гляжу и глазам не верю: не картина это, а просто голый холст! Ничего там не нарисовано: золоченая рама, а в середине голый холст!» — «Вррранье!» — возразил на это Дяде Ловушке некий Воронуша. — «А вы кому хотите верить? — обозлился Дядя Ловушка. — Мне, человеку разумному, или этой дурацкой птице?»

Прочитав это, я с удовольствием рассказал Юрию Михайловичу об известных биологических исследованиях академика Ольги Борисовны Лепешинской. Беззаветная большевичка, активная участница революции 1905 года и Октябрьской революции 1917 года, непреклонная последовательница известного академика Лысенко, в результате некоторых проведенных ею исследований пришла к твердому убеждению, что все живое на нашей планете возникло (и продолжает возникать) из самой обыкновенной грязи под нашими ногами. Да, да, той самой, по которой мы ходим, как бы уже не замечая ее. А если непреклонной исследовательнице кто-то осмеливался на ее такие слова возразить, она тем же твердым и непреклонным голосом заявляла: «Вы монаху Менделю хотите верить или мне, члену РСДРП с 1898 года?»

Юрий Михайлович в общем не любил таких разговоров.

Как писатель он, конечно, был уверен в том, что рано или поздно потерянную художником совершенно замечательную картину отыщут. Не могут не отыскать! Ведь сказка же! Потому и доверил поиск совсем юному и веселому мальчику Тимофею Птахину.

На вид это совсем обычный мальчишка, ну, вроде вас, уверял Юрий Михайлович своих юных читателей. Глаза у этого Тимофея Птахина серые, нос курносый. Такие ребята, как Тимофей Птахин, он же Типтик, всегда раскрывают самые сложные тайны, а значит, и потерянную совершенно замечательную картину найдут! В конце концов, кто, как не Типтик, он же Тимофей Птахин (глаза серые, нос курносый) может по-настоящему помочь жителям стеклянного города? Кто поможет людям из скучного города бесчисленных маленьких, но умных машин и организмов перебраться в город живой, в город летающих птиц, расцветающих растений, ярких красок?

В семидесятые годы к частым выступлениям актера-чтеца Юрия Магалифа (по командировкам от филармонии, по путевкам от Бюро пропаганды Союза писателей) добавилась еще увлекательная работа в «Обществе книголюбов».

«Недели детской книги», бесчисленные выступления в институтах, школах, библиотеках, научных организациях и рабочих предприятиях Новосибирска, Кемерова, Томска, области.

Особенно — в школах.

Встреч с юными читателями бывало так много, они всегда так были востребованы, что в 1985 году в Новосибирске был создан отдельный клуб для читателей... скажем так... младшего возраста.

«Книжная шкатулка». Так клуб назывался.

Президентом «шкатулки» избрали Юрия Михайловича.

«1985, 3 февраля, — записывал он в своем дневнике. — Сегодня, в 11 часов, в магазине “Детская книга” я открыл (в качестве президента) детский клуб “Книжная шкатулка”. Все было очень славно: много детей, рисунки к сказкам, корреспонденты из “Советской Сибири”, из радио и телевидения»¹³.

Кстати, дневники Магалифа — это не просто фиксация фактов.

Это постоянные размышления писателя, постоянное подведение итогов.

«1985, 29 апреля. Вчера утром и сегодня (филиал в Криводановке) клуб “Книжная шкатулка”. Мне становится все интереснее работать с детьми и для детей. Очевидно — я много сейчас об этом размышляю — мною была совершена крупная ошибка, когда после “Жакони” и “Бибишки” я ушел во взрослые рассказы и повести. Надо было не бросаться в разные стороны».

К этой записи мы еще вернемся.

«1986, 19 января. Утром — очередное заседание клуба “Книжная шкатулка”. Говорили о сказках Пушкина в связи с выходом в свет прекрасно изданной книги этих сказок с замечательными иллюстрациями Виктора Ник. Лагуны».

Выступая в школах, библиотеках, в сельских и городских клубах, в различных творческих организациях, Юрий Михайлович внимательно прислушивался к суждениям своих юных читателей.

Чего они хотят от книжек?

Что их особенно интересует?

Да сказки, конечно! Сказки — само собой.

Вот и появилась в 1981 году в журнале «Сибирские огни» еще одна сказка Юрия Магалифа — «Нежно-зеленый Котыкин». Отдельное издание, впрочем, он назвал проще — «Кот Котыкин». Красивая сказка.

<...>

¹³ Магалиф Т. Ф. Ю. М. Магалиф и «Общество книголюбов» / Т. Ф. Магалиф // Новосибирскому «Обществу книголюбов» 45 лет: народный альманах творческих работ новосибирских книголюбов. — Вып. 8. — Новосибирск: Светоч, 2019.

8.

Но, думая о сказках, создавая их, писатель Юрий Магалиф думал и о других своих произведениях.

И не только думал, — писал!

В 1975 году вышла его книжка «Караярские рассказы».

На самом деле — это книжка о людях веселого села Юрт-Акбалык.

Это место многим новосибирским писателям нравилось. Каждое лето там жил известный поэт Леонид Решетников. С удовольствием обживала свой дом Елизавета Константиновна Стюарт. Тоже поэт. И, кстати, именно в Юрт-Акбалыке написала она красивый поэтический портрет своего друга — Юрия Магалифа.

Он похож на человека
с четверговой свечкой тонкой.
Вот он вышел в непогоду
и туманный путь далек.
Но, прикрыв свечу от ветра,
словно малого ребенка,
он шагает, сберегая
ненадежный огонек...

«Неподалеку от Оби, а то прямо на ее берегах, — рассказывал в предисловии Юрий Михайлович, — стоит несколько старинных деревень, где живут сибирские татары. Я, кажется, достаточно хорошо знаю теперь жизнь этих таежников — животноводов и землепашцев — жизнь, которая меняется так стремительно, что иногда даже перо не поспевает за нею». И тут же охотно признавался: «Название Караяр мною придумано, но лица, выведенные здесь, действительно существуют — работают и учатся в своих совхозах...»

<...>

9.

Как это ни странно, о прозе Юрия Магалифа писали немного.

Даже на его популярные сказки критики не слишком часто обращали внимание.

Появлялись, конечно, время от времени заметки Ю. М. Мосткова, предисловия к сборникам, мелкие статьи.

А писателю без внимания — трудно.

Отсюда, видимо, сомнения и метания.

Отсюда и такие записи в дневнике писателя: «Очевидно... мною была совершена крупная ошибка, когда после “Жакони” и “Бибишки” я ушел во взрослые рассказы и повести. Надо было не бросаться в разные стороны».

Но в 1988 году вышла в свет новая сказка.

Называлась она «Успех-трава», и действовала в ней очередная ведьма, правда, на этот раз ни на кого не похожая.

<...>

Только вот странно.

Сказки пишут и пишут, зло наказывают, а этого зла на земле не убывает.

Кикимор и ведьм гоняют по всем уголкам города, побеждают их, возвращают людям совершенно замечательные картины, волшебные свирели, а кикиморы и ведьмы снова возрождаются.

Как отделаться от них?

Люди, вообще-то говоря, стараются.

Владимир Викторович Шамов, к примеру, в бытность свою заместителя новосибирского горисполкома — к столетию всеми нами любимого города (в 1993 году) взял и придумал Городовичка, который должен был, наконец, по-настоящему украсить нашу с вами жизнь.

<...>

Но придумать Городовичка — это одно.

А написать о нем сказку — совсем другое.

Пришлось обратиться к известному сказочнику Юрию Магалифу.

«Вот вы держите в руках книжку, — напоминал Владимир Викторович в предисловии к книжке¹⁴, — с любовью написанную Юрием Михайловичем. Городовичка он назвал, вопреки воле его родителей, Никошей. Честно признаюсь, я сначала сердился, а потом смирился, ведь появившийся на свет по твоему желанию сын не всегда следует твоим советам — у него своя, самостоятельная жизнь».

Понятно, в сказке о Городовичке тоже все непросто.

Уже не привычная всем ведьма-кикимора, а самый настоящий злобный ведьмак по прозвищу (или по имени) Дымокур действует в этой сказке. Прозвали (или назвали) его так не потому, что он старался помочь людям отбиваться от злых комаров и от совсем уже распоясавшейся мошкары, а потому, что дымом своим едким, душным, густым, вонючим этот ведьмак Дымокур везде, где только мог, отравлял и душил жителей большого сибирского города.

Ох, надо помочь сибирякам!

Ох, нужна настоящая волшебная дудка!

Ведь только настоящей волшебной дудкой можно остановить, поставить на место, выдворить вон злобного Дымокура.

Так что пришлось постараться сказочнику Магалифу.

Ну а дальше — проще. В один праздничный летний день на набережной реки Оби находчивые герои повести-сказки Юрия Магалифа «Волшебный рожок, или Приключения Городовичка» весело и торжественно перевели городские часы с одного столетия на другое.

¹⁴ Предисловие В. В. Шамова к книге: Магалиф Ю. М. Волшебный рожок, или Приключения Городовичка. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство; Фонд 100-летия Новосибирска, 1993.

«Есть удивительная страна, население которой прирастает на одного гражданина раз в пятьдесят лет, или в сто лет, или в пять лет...» — написал в газете «Вечерний Новосибирск» поэт Александр Плитченко, *читатель сказок Магалифа с 1959 года.*

Так он сам подписался.

«Удивительна эта страна еще тем, что жители ее могут родиться в Норвегии или Сибири, в Америке или Германии, Италии или Дании, зато сразу же становятся гражданами удивительной страны».

И спрашивал: а что же это за страна такая?

И сам отвечал: да ладно! все вы про нее слышали.

Страна эта — сказка! А герои ее — это и Гулливер, и Буратино, и Кот в сапогах, и Дюймовочка, и Баба-яга, и Жар-птица, и черепаха Тортилла, и всякие водяные, лешие, домовые, Карлсон, конечно, и Винни Пух, и Маша со всеми ее медведями, даже Кощей Бессмертный, и непослушный Колобок, и пакостливая Кикимора, и тут же веселый Незнайка, ну и, это само собой, Жаконя!

«...Вот почему писатели Новосибирска назвали Юрия Михайловича Магалифа своим кандидатом на соискание самой высокой литературной премии Новосибирска — премии имени Гарина-Михайловского за 1995 год»¹⁵.

Юрий Михайлович Магалиф стал первым лауреатом этой премии.

Случилось это в Новосибирске в теплый солнечный день 25 июня 1995 года.

В интервью журналисту Сергею Белоусову на вопрос: «А какое воспоминание греет писателя Магалифа больше всего?» — Юрий Михайлович с большим удовольствием ответил: «Три минуты проезда в открытом автомобиле по площади Ленина (для получения премии). Ехали через толпу, люди тянулись ко мне, выкрикивали приветствия. У меня в жизни много было выступлений, артистических успехов, но это — главное!»

(Окончание в следующем номере.)

¹⁵ Плитченко Александр. Добрый сказочник из Н-ска / А. Плитченко // Вечерний Новосибирск. — 1995, 3 июня.